

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ П. ФОРМАНА «К ЧЕМУ ДОЛЖНА СТРЕМИТЬСЯ ИСТОРИЯ НАУКИ?»

Мои возражения против статьи П. Формана не ограничиваются только несогласием с его точкой зрения. О таком несогласии можно было бы и не говорить, когда речь идет о публикации статьи, публиковать нужно самые разные точки зрения. Меня смущает недостаточная обоснованность и убедительность для читателя выдвигаемых им тезисов.

Основной пафос статьи направлен против ориентации историко-научных исследований на изучение индивидуальной творческой деятельности ученого. Такая установка требует уточнения позиции ее автора, уточнения гораздо более четкого, чем это имеет место в статье. По-видимому, П. Форман не станет отрицать, что историю науки делают ученые и что благодаря их творческой деятельности историк имеет возможность выбирать, чем ему лучше заняться: то ли плодами этой деятельности, научными идеями в их исторической последовательности, то ли социальными условиями их утверждения, обоснования в науке и распространения в обществе, то ли биографиями ученых, в которых часто соединяется анализ социальных условий жизни ученого с анализом генезиса новых идей в его голове.

П. Форман, похоже, возражает именно против третьего типа исторических исследований. При этом он создает достаточно искусственную конструкцию, которая, по его мнению, должна выразить в себе основные особенности работ по изучению индивидуальной творческой деятельности ученого. Я не понимаю, чем плохо, если в этих работах тщательно изучаются все источники, опубликованные и архивные, связанные с генезисом той или иной идеи в голове ученого, если историки дополняют работу друг друга и если эта работа никогда не может считаться полностью завершенной, если она всегда может быть еще продолжена и расширена. Это вполне естественный ход исторического исследования, и я не нашла в статье хоть сколько-нибудь убедительной аргументации, которая бы заставила меня признать эти работы бессмысленными.

Возражения П. Формана базируются прежде всего на том факте, что в исторических исследованиях индивидуального творчества ученых не вскрывается логический механизм порождения новой идеи из старой. Но ведь это сложная философская проблема, которая обсуждалась и обсуждается многими крупными философами разных веков и никогда не находила (как и другие философские проблемы) окончательного и однозначного решения. Объявлять целое направление исторических исследований несостоятельным на основании того, что его представители не решают этой проблемы в ее философском и логическом аспекте — по меньшей мере странно. Они и не должны ставить перед собой такой задачи.

В то же время непонятно, почему П. Форман полагает, что изучение генезиса научных идей историками науки возможно только через изучение индивидуального пути ученого, почему он игнорирует серьезные исследования научного сообщества (в том числе и работы в этом направлении такого американского историка науки как Т. Кун, почему-то он упоминается П. Форманом совсем в другом контексте). Ученый связан с наукой и обществом в целом не только своими публикациями, письмами, черновиками (все это упоминается П. Форманом), но и своими интеллектуальными контактами с коллегами в разных формах (дискуссии, споры, конференции), социальными, экономическими, психологическими и прочими отношениями. Изучение всей совокупности этих отношений

историками науки в рассматриваемый П. Форманом исторический отрезок времени внесло немалый вклад и в процесс новой постановки и нового решения той же проблемы генезиса научного знания. Непонятно, почему П. Форман не принимает во внимание все эти работы и не видит того вклада, который они внесли в обсуждаемую им проблему.

Я не нахожу достаточных ни психологических, ни социальных оснований для той мотивации деятельности, которую приписывает П. Форман историкам науки.

Теперь по поводу замечания П. Формана в адрес С. Р. Микулинского. Я полагаю, что здесь недоразумение, связанное прежде всего с возможностью по-разному толковать социальность в истории науки. Когда С. Р. Микулинский говорит о необходимости изучать генезис научных идей, он совсем не выступает тем самым против социальной истории науки. Как я уже упоминала выше, генезис научного знания совсем не обязательно изучать на примере зарождения новой идеи в голове конкретного ученого. Творческий процесс может быть включен (и часто это делается, в том числе и в работах С. Р. Микулинского) в широкий социальный контекст. Такое включение, правда, невозможно, если понимать социальность науки в рамках экстерналистской методологии, т. е. как влияние внешних социальных факторов.

Редакция обратилась к С. Р. Микулинскому с просьбой прокомментировать статью П. Формана. Ответ С. Р. Микулинского П. Форману будет опубликован в следующем номере «ВИЕТ».